

ЗВЕЗДЫ
НАУЧНОЙ
ФАНАСТИКИ

ДАРИО ТОНАНИ

ХРОНИКИ
РЖАВЧИНЫ И ПЕСКА

Перевод с итальянского: Марина Яшина

Москва
Издательство АСТ

ПРОЛОГ

Завтра мир будет другим.
«Небесному кораблю»,
древняя молитва кочевников

Горизонт чист.

Преследовавший нас корабль исчез. Испарился.

Песок — наш.

Но меня это не радует, хотя и должно. На корабле то и дело внезапно падает давление, котлы едва работают, двигатели — на последнем издыхании. Наше продвижение вперед по дюнам — это постоянный риск, чистая авантюра. Мы не погибнем от рук врага, но, чувствую, свои права на нас предъявит пустыня.

По пути в каюту я сделал небольшой крюк — прошел по носу корабля, мимо люка с пневмошарнирами. Меня бросило в дрожь: думаю, больше сюда приходить не буду.

Гарраско поднял голову от бортового журнала, посмотрел на стеклянную банку на письменном столе и убрал накрывавший ее платок. Внутри, в чистом песке высотой в пять пальцев, дремал маленький

чертополох-ржавоед — молчаливый сосед Гарраско по каюте.

Ни стебля, ни венчика видно не было: крошечная пустыня полностью укрывала растение.

Рядом стояла плошка, где горкой лежали старые винтики и болты. Гарраско взял первые попавшиеся и бросил в банку.

Поначалу ничего не произошло. Он снова зажал пальцами перо и вернулся к журналу, но банку платком накрывать не стал...

Возможно, следует поговорить с экипажем, но мне не хочется испытывать терпение людей. Они измучены, многие уже тридцать шесть часов не спали. Лучше бы мы все...

В песке образовался небольшой гейзер, что-то вылетело в воздух, подскочило на метр и упало на бумаги, испачкав последнюю строчку журнала чернилами. По листам рассыпались мельчайшие песчинки. Гарраско одной рукой стряхнул их, а другой взял винтик, выплюнутый песком. На нем не было и следа ржавчины, резьба стержня блестела как новенькая.

Гарраско повернулся и уставился на прозрачную банку. Чертополох-ржавоед выпрямил стебель и сжал венчик вокруг второго винта: казалось, он не боится встретиться взглядом с командиром корабля Робредо.

— Ах ты, чертов засранец!

Росток прижался к песку, раздумывая. И через секунду выстрелил вторым винтиком в стекло банки, разнеся ее в пух и прах.

— КАКОГО ХРЕНА! — Гарраско отпрыгнул.

Опрокинутые чернила пропитали песок, рассыпавшийся по страницам бортового журнала.

Гарраско примирительно поднял руки, выругался еще раз и, хлопнув дверью, вышел из каюты. И у него нервы были натянуты как струна. Сколько уже времени он сам не смыкал глаз? Наверное, лучше пойти на мостик, посмотреть, все ли в порядке у помощника. Пустыня — настоящая пустыня — всегда притягивала взгляд...

КАРДАНИКА

Приподняв козырек фуражки, страж песков смахнул капельки пота с блестящего черепа. Длинные черные дворники медленно чистили стеклогель, защищающий мостик, и смазывали его раствором из щелочей и минеральных солей. Первый день четвертого месяца пути выпал на пасмурную среду; к вечеру, видимо, соберется дождь. Этой ночью, как и прошлой, на Робредо были кое-какие неполадки: из-за того, что двигатели внезапно глохли, возникали трудности с маневрированием — разрешимые, однако достаточно неприятные, поэтому иногда слышались сигналы тревоги, заставляющие экипаж нервничать.

Неприятельский корабль, от которого они бежали, был огромным, но, к счастью, довольно медленным. И все же стычки с преследователями и отчаянное бегство не прошли даром: в котлах то и дело падало давление.

Уже больше шести недель экипаж не видел ничего, кроме постепенно уменьшающегося вдали корабля-

гиганта, дюн да выжженной солнцем земли: только пару раз однообразие этих бесконечных песков прерывалось видом огромных шарообразных кустов, которые вяло перекатывались по пустыне, — внутри них, в камере, защищенной со всех сторон шипами, путешествовали Гхмор — кочевники ветров, жившие в субтропических районах Мира9.

Дворники беззвучно вернулись на место, чтобы не мешать стеклогелю допить остатки раствора. Робредо, предназначенный для выживания в экстремальных условиях, требовал неусыпного труда всего экипажа. Гарраско Д. Брэй раньше служил стражем песков на четырех других грузовых судах, но ни одно из них не могло сравниться с этим потрясающим чудом техники: 36 колес — каждое 5 метров 40 сантиметров в диаметре, пескоизмещение более 25 200 тонн, 8 котлов, способных развивать мощность до 45 000 лошадиных сил, 73 члена экипажа, 6 изолированных отсеков и столько же запасных комплектов шин. В это произведение искусства из металла и стеклогеля встроены шесть шедевров машиностроения — шесть модулей, благодаря которым Робредо без сильной тряски мог преодолевать любые неровности поверхности: шесть пневмошарниров. Каждый из них сам по себе стоил больше, чем весь остальной корабль. Если Робредо погибнет, потерпев крушение в субарктических песках или пострадав от удара молнии в районе больших озер, пневмошарниры смогут самостоятельно отсоединиться и благодаря встроенной программе добраться до ближайшего порта, где их установят на первое подходящее грузовое судно. Любой судовладелец выложит за них головокру-

жительную сумму и без промедления наймет бригаду инженеров, способных вмонтировать пневмошарниры в корпус его корабля.

Никогда раньше Гарраско не видел, чтобы на судне их было больше двух. И никогда раньше — пневмошарниров последнего поколения, установленных на Робредо.

Помощник капитана Виктор Галиндез немного повернул штурвал влево. Послышался визг отполированных листов железа — корабль наклонялся для поворота. Грохот становился все оглушительнее, превратившись, наконец, в жалобный вой трущихся металлических частей. Виктор налег на штурвал, уперевшись ногами в палубу. Чтобы Робредо не увяз еще до начала поворота, скорость не должна падать быстрее, чем на пару миль в час. Стоя на мостике, Гарраско не сводил глаз с приборов.

— Достаточно, Виктор. — Он повернулся к иллюминатору на левом борту, набрал побольше воздуха и прижался лбом к стеклогелю — мембрана облепила лицо и вытянулась наружу. По-прежнему не дыша, Гарраско повернулся и посмотрел на корму. Потом отодвинулся, выдохнул и немного подождал, прежде чем снова набрать воздуха в легкие. — Отлично, начинай поворот.

Метрах в двадцати позади него корпус корабля начал нехотя изгибаться. Очевидно, с помощью пневмошарниров нос Робредо заставлял всю махину подчиниться и повернуть. На капитанском мостике скрежет металла стал оглушительным. Гарраско еще раз засунул голову в стеклогель и выглянул наружу. Податливая после недавней еды, тонкая эластичная мембрана натянулась,

прилегая к носу и губам. Гарраско надолго задержал дыхание, потом снова отстранился, помассировал щеки и взял наушники. Стоявший перед ним Виктор немного сдвинулся вправо, налегая всем телом на штурвал, чтобы увеличить наклон влево еще на несколько градусов. Гарраско снял вторые наушники с переборки и надел их на голову помощнику. Виктор Галиндез, стоя спиной к командиру, кивком его поблагодарил. От сильных толчков палуба заходила ходуном, и Гарраско, не удержавшись на ногах, влетел в обшивку правого борта. Даже через наушники приглушенный стон трущихся друг о друга металлических частей корпуса, которые выстраивались вдоль новой оси, вонзался в уши словно тысячи раскаленных игл. Мостик трянуло: раз, другой... и вдруг он начал лихорадочно содрогаться, будто поток энергии бил под самой палубой.

— Что происходит? — закричал Виктор, падая в кучу рычагов, маховиков и рукояток, разделявших капитана и штурмана. Его все сильнее охватывала паника.

Вдруг на мостике воцарилась тишина. Судя по показаниям приборов на панели, двигатели внезапно перестали работать.

— Мы заглохли,— объяснил Гарраско, помогая Виктору подняться.— Видимо, что-то снаружи нам мешало, и двигатели отказали.

Услышав сигнал тревоги, оба вздрогнули.

— Давления нет. Твою мать. Если котлы не заработают, то, учитывая крен, через полчаса мы начнем тонуть.

Виктор включил рацию и выплеснул в крике всю свою бессильную злобу. Страж песков взглянул на большой

циферблат на панели. Без давления приборы не работали. Существует только один способ узнать настоящую причину поломки: покинуть мостик, зайти в первый пневмошарнир и оттуда перебраться в другую часть корабля. Спускаться на землю опасно — если не подхватишь какую-нибудь инфекцию, тебя укусит комарокрыс. Еще опаснее — сделать по песку больше трех шагов.

Кроме того, через пару минут пневмошарниры иницируют программу автономного выживания (АВ), их гидромеханические составляющие примут форму, наиболее подходящую для отсоединения от Робредо, материнского модуля,— и в путь. А это значит, что: первое — Робредо погиб; второе — нужно торопиться. Малейшее промедление — и программа АВ не признает их и не впустит, посчитав незванными гостями. Или наоборот, впустит, чтобы использовать в качестве топлива или пластичной смазки.

— Возьмем оружие,— рявкнул Гарраско своему помощнику.

— Страж песков, у нас нет на это времени,— Виктор пытался открыть задраенный люк, за которым начинался первый лимб-коридор.

Гарраско схватил динамо-фонарик, оборвав резиновый шнур, которым тот был привязан к переборке, и посветил в полумрак ниши. Шагах в десяти, куда не проникал свет из иллюминаторов на капитанском мостике, начиналась густая тьма. До первого пневмошарнира им предстояло пробираться в полной темноте. Потом послышались звуки какого-то механизма, что немного обнадеживало: в пневмошарнире происходила трансформация — значит, он работал.

Вдруг Виктор, быстро шедший впереди, замедлил шаг. Его сапоги больше не стучали — слышалось только приглушенное шарканье.

— Что такое, черт возьми?! — крикнул Гарраско, в дюжине шагов за его спиной.

— Масло,— ответил Виктор, глядя вниз.— Этот чертов ублюдок пашет изо всех сил. Чтобы провести функциональную трансформацию, ему нужно девять баррелей масла. В пневмошарнире больше рельсов, шестеренок, поршней и карданных соединений, чем в городе с полусотней тысяч жителей.

— Знаю. Он просто пытается выжить. И его устраивает любое нетвердое вещество.

— И кровь, и человеческая плоть тоже. Главное, чтобы эти проклятые металлические детали были смазаны,— скривился Виктор и пошел дальше, стараясь не поскользнуться.

Мужчины преодолели почти две трети лимб-коридора. В каждом пневмошарнире их было два: здесь находилась зона утилизации, куда сливались отходы и переработанные продукты медленной механической трансформации; по сути, это масло, пластичная смазка, спрессованные непереработанные остатки и частицы металла. А главное — шум, самый бесполезный и самый объемный элемент отходов. И самый несносный, конечно. Гарраско с помощником приходилось двигаться, крепко держась друг за друга, чтобы не оказаться на заднице в теплом масле, которое на два пальца покрывало пол. Свет от фонарика едва прорезал темноту, но был бессилен перед сжиженным шумом, доносившимся из-за стальной стены в конце коридора. Несмотря на

наушники, мужчины чувствовали, как раздававшийся в темноте грохот пробирает до печенок. Когда свет от фонарика мигнул и погас, они испугались, что *голос* пневмошарнира поглотит их навсегда.

Наконец Гарраско с помощником добрались до разделяющей стены из закаленной стали, толщиной сантиметров в двадцать. В ней был сделан герметичный люк высотой метра полтора и шириной сантиметров семьдесят.

Гарраско провел пальцами по гладкому металлу, и его опасения подтвердились:

— Температура слишком высокая. Дотронься тут.

Виктор коснулся стены и присвистнул. С момента остановки Робредо прошло не больше десяти-двенадцати минут.

— Если мы подольше тут постоим, не так жарко будет, когда зайдем внутрь.

— Да, но нельзя ждать, пока шарнир полностью остынет. На это может уйти несколько часов. Что, если к тому времени он уже будет в двадцати милях отсюда?

Бортовым журналом мне служит записная книжка, найденная в пневмошарнире. В общем, теперь я буду делать заметки, делаясь с белыми листами бумаги своими мыслями и впечатлениями от того, где мы оказались. Нам предстоит провести здесь много недель; видимо, это настоящее чудо техники. Виктор потрясен, да и я тоже. Имена на первых страницах этой книжки нас встревожили. Кто составил этот список? Зачем? И когда — до или после крушения Робредо? Карданик, как, видимо, называется пневмошарнир, неплохо о нас

заботится. Но меня начинает мучить тысяча разных вопросов.

Помощник попросил Гарраско отойти и, сделав шаг вперед, взялся за круговую рукоятку. Но она даже не пошевелилась, когда Виктор попытался повернуть ее по часовой стрелке.

— Заблокирована,— процедил он сквозь зубы и отдернул руку.— Все еще горячо! — Страж песков снял куртку, оторвал рукав и дал Виктору, чтобы тот обернул рукоятку тканью.

— Черт, теперь рука съезжает.

— Дай я.

Гарраско отстранил помощника, но и его усилия ни к чему не привели:

— Ладно, придется еще подождать.

Он посветил на циферблат часов и прислонился к стене коридора, так, что свет фонарика конусом падал на штанину брюк, сапоги и залитый маслом пол:

— Если я рассчитал правильно, то он разрешит посадку через четыре минуты. Сомневаюсь, что мы успеем дойти до противоположного выхода и добраться до следующего отсека.

Виктор молча кивнул, и Гарраско выключил фонарик. Все погрузилось в темноту.

— Ты когда-нибудь бывал в пневмошарнирах?

Грохот перестал быть таким оглушительным — значит, внутри происходит трансформация. Инфраструктура, наружная обшивка, машинное отделение, каюты уже были виртуально на своих местах, готовые переместиться туда и в реальности. Оставались не менее

важные мелочи: установка фланцев и муфт, лужение. Потом начнется третья фаза, большая часть которой будет происходить уже с потерпевшими кораблекрушение на борту, в течение трех часов после отделения от корабля. Именно это имел в виду Гарраско, говоря о том, что температура снизится. Воду, например, можно пить только через пять часов после посадки. Если, конечно, его знания в этом вопросе еще не устарели.

В Академии о теории пневмошарниров говорили туманно: объясняли, что это настоящее чудо механики и конструирования, требующее точнейших расчетов и выполнения («ювелирная работа», по словам преподавателей), однако не касались их преимуществ как модулей для выживания, способных стать автономными, если из-за кораблекрушения отпадет необходимость служить судну на колесах — помогать ему при поворотах и движении по пересеченной местности. Эти недомолвки привели к тому, что в рядах курсантов процветали легенды об опасности пневмошарниров. Якобы однажды в порт на одном таком добрались лишь полдюжины человек. Трое из которых были чудовищно изувечены. Однако все знали: хоть война и продолжается, кораблекрушения происходят редко, на большинстве грузовых и пассажирских судов нет пневмошарниров, а эти шестеро выживших, прежде чем добраться до цивилизации, провели в пути целых шестьдесят пять дней, преодолев почти восемьсот миль.

— Хочешь знать, бывал ли я когда-нибудь в пневмошарнире? — Губы Гарраско тронула горькая усмешка. — Да, в Академии один отсоединили от материнского модуля. Мы четыре недели слушали на нем лекции

и написали два экзамена. Но тот пневмошарнир был почти мертв... Отраватели из Гильдии постарались, чтобы он стал безобидным.

— То есть ничего не работало?

— Нет,— хмыкнул Гарраско.— Там были масло, пластичная смазка и все остальное, но если ты хотел посмотреть, как работают шкивы, ролики и шестеренки, то самому приходилось их крутить.— Он включил фонарик, чтобы проверить время. Бросил взгляд на циферблат, и свет сразу же окончательно погас. До того как дверь с таймером откроется, оставалось чуть больше полутора минут. Если, конечно, пневмошарниры не сломались из-за падения давления на Робредо. Гарраско швырнул фонарик на пол и продолжил: — Помню, я как-то спросил инструктора, какой яд дали пневмошарниру, чтобы его обезвредить. Но ответа не получил. Потом еще десяток раз пытался выяснить это у преподавателей и офицеров, пока, наконец, кто-то не сказал, что его просто *погрузили в сон*; они рассчитывают, что ему вернут функциональность, вмонтировав в военное судно, которое строят на верфи в Мехаратте.

— Погрузили в сон?

— Именно. Думаю, речь шла об *анестезии*. Мне всегда казалось, что пневмошарниры — нечто большее, чем просто служебные механизмы или аварийные модули.— Гарраско протянул руку, чтобы нащупать в темноте стальную переборку.— Пора.

— Ты готов?

— Да. Ты тоже? — Он ухватился за рукоятку и почувствовал, что она начала поворачиваться без малейшего сопротивления.— Мы сейчас войдем внутрь, а

выберемся отсюда только в первом порту, ты это понимаешь? Может, через год.

Во мраке коридора Гарраско услышал, как Виктор сглотнул, и распахнул люк, толкнув его плечом. Этот люк отделял их от пневмошарнира № 1. *Вспомогательного элемента Робредо.*

Правда в том, что мы чувствуем себя пленниками. В смысле, не потерпевшими кораблекрушение, а именно пленниками. Вроде бы нам ничего не угрожает. Но здесь куча нестыковок. Например, Кардаником невозможно управлять вручную. И потом, везде столько масла и ржавчины... вряд ли все механизмы до сих пор работают. Не говоря уж о том, как тут воняет. Воздух спертый, затхлый, а из-за того, что тут тепло и много пара, вонь становится просто невыносимой. Надеюсь, Виктор не совсем профан в механике. Мне нужно, чтобы он отключил эту проклятую пианолу с музыкальными цилиндрами.

Горячий розоватый пар окутал их потные лица, смешиваясь с запахом спертого воздуха и смазочного масла. Когда глаза привыкли к белесой пелене, на сером фоне переборки стали видны огромные алые буквы. *Вспомогательный элемент Робредо.* И буквы поменьше, появившиеся на панели, которую выдвинули два небольших рычага:

Модуль для выживания
номер 1, класс T9Y, 2 места.
Верфь Xtax'X, дата не указана.